Галина Смирнова

Максимка, Толик и каляки-маляки

рассказы для детей

6+

Галина Смирнова

Максимка, Толик и каляки-маляки

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Смирнова Г.

Максимка, Толик и каляки-маляки / Г. Смирнова — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Книга Галины Смирновой "Максимка, Толик и каляки-маляки" - это сборник рассказов о детях разного возраста, от малышей трёх лет до школьников младших классов. В историях, собранных в книге, описывается повседневная жизнь детей, их увлечения, волнения и радости в семье, детском саду, в школе. Одни рассказы весёлые, озорные, другие грустные, но все интересные и добрые.

© Смирнова Г., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Рассказы для самых маленьких 5
Дружили семьями 6
Каляки-маляки 7
Чёлочку поправим, мамочку поздравим 9
Кукла 12
Ларик и вороны 15
Дракоша 16
В этот тихий осенний вечер 19
Велосипед 22
Лошадки 25
Птичьи домики 28
Рыбка 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Рассказы для самых маленьких

Дружили семьями

Мы дружили семьями, но так уж повелось, что в гости приходили они к нам, а не наоборот. Приходили всегда ближе к вечеру – часам к пяти, мы тихо сидели на веранде и ждали их появления, их звуков. Шур-шур шуршали листья в саду, и, даже сидя в комнате, мы слышали это знакомое и ожидаемое – шур-шур.

Они были не прихотливы в еде, но больше любили что-нибудь мясное или яйца, или молочко, не отказывались от фруктов и ягод, обожали блины, можно со сметаной – сколько положишь, всё съедят. Еду для наших гостей мы раскладывали в тарелочки и ставили в знакомые для них места.

Они приходили по одному – шур-шур, зашуршал один, потом появлялся другой, иногда их было трое, однажды пришли четверо.

Иногда наши гости могли затеять ссору между собой, тогда они смешно сопели и фыркали от возмущения. Иногда мы делали для них фотосессию, и они охотно позировали, как настоящие фотомодели.

Поздней осенью мы устраивали для наших гостей прощальный ужин – готовили угощение, зажигали свечи на веранде и ждали, когда появится знакомое шур-шур-шуршание в опавших листьях. Это было грустное прощание с ласковым летом и нашими друзьями – шур-шур – ёжиками.

Каляки-маляки

Заходящее солнце осветило тёплым светом раздевалку младшей группы «Колокольчик» детского сада, и было в ней непривычно тихо – никто не капризничал, не желая одеваться, раздеваться, никто не искал завалившийся куда-то ботинок или носок, или варежку, никто не торопил «быстрее, я на работу опаздываю», никто не просил «оставь мне машинку поиграть», никто не пыхтел, пытаясь застегнуть непослушную молнию на куртке, и никто не пел «ля-ля-ля, ля-ля-ля», прыгая на одной ножке.

Было тихо, тихо. Мальчики и девочки, воспитательницы и нянечки ушли по домам. На окне раздевалки, в горшке, стоял цветок с белыми, ещё не распустившимися бутонами, рядом расположилась маленькая лейка, а вдоль стен тянулись небольшие, выкрашенные в синий цвет шкафчики, и на каждом была нарисована своя картинка – какая-нибудь ягода или фрукт, в эти шкафчики дети вешали свою одежду.

Луч солнца упал на яркую, красную вишенку, висящую на длинном стебельке с двумя зелёными листиками, вишенка качнулась и сказала:

– Моя Настя сегодня ходила по лужам, а потом бегала по земле и, когда пришла, поставила грязные ботинки прямо в шкаф.

– А мой Саша упал, играя на улице, – вздохнула редиска, – и испачкался, потом пришёл и сразу повесил комбинезон в шкаф. И я тоже стала грязная.

– Я хочу помыться, – сказала вишенка.

– И я, – повторила, как эхо, редиска.

– Мой Миша, – произнёс красный помидор, – принёс из дома шоколадную конфету, которая растаяла, и моя верхняя полка стала вся такая сладкая и липкая, что даже неприятно.

– А мой Коля нашёл на улице камушек, – включился в разговор синий баклажан, – принёс этот камушек в раздевалку и, когда все ушли, стал рисовать им на моей стенке. Он рисовал и приговаривал: «Каляки-маляки, каляки-маляки!» И смеялся при этом. А мне было так больно!

– Да, да, именно больно, – согласился зелёный огурчик. – Денис вчера сломал машинку, а потом стал колесом от неё царапать мою дверцу, а колесо-то железное, я терпел, терпел… Вот, ранка осталась, – дверца с огурчиком приоткрылась, показывая израненную стенку, и чуть скрипнула, словно всплакнула.

– Моя Света сегодня карандашом подрисовывала мне лучи, как будто я солнце, – сказал жёлтый персик, – а на соседнем шкафчике с арбузом она нарисовала листики. Ну ладно, лучи солнца могут быть красными, но у арбуза ведь не бывает красных листьев, правда?

– Мне кажется, не бывает, – синий баклажан вздохнул, вспомнив о Коле.

Так они охали и ахали, жалуясь на своих хозяев – вишенка и слива, яблоко и груша, огурчик, помидор, редиска, персик. Фрукты и овощи на картинках поникли, сморщились, съёжились, и такие они были грязные и несчастные, что хоть плачь. А потом они уснули. И снился им всем один и тот же сон – будто пришёл добрый волшебник с мылом, щёткой или с влажной тряпкой и всех помыл, почистил и стёр, убрал всё лишнее, все эти каляки-маляки.

На следующий день в группу пришла новая девочка, она разделась и, когда её мама ушла, вынула из кармашка платья маленький пакетик с влажными салфетками. Потом девочка посмотрела на репку на своём шкафчике, около которой синим карандашом было нарисовано что-то непонятное – то ли жук какой-то, то ли самолёт сломанный. Она потёрла жук-самолёт салфеткой, которая очень быстро стала грязной, потом взяла другую, снова потёрла, и вскоре на шкафчике красовалась нарядная, жёлтая репка, чистая и аккуратная. Девочку звали Оля.

– Возьми, – она протянула влажную салфетку Насте.

– Держи, – и дала салфетку Саше.

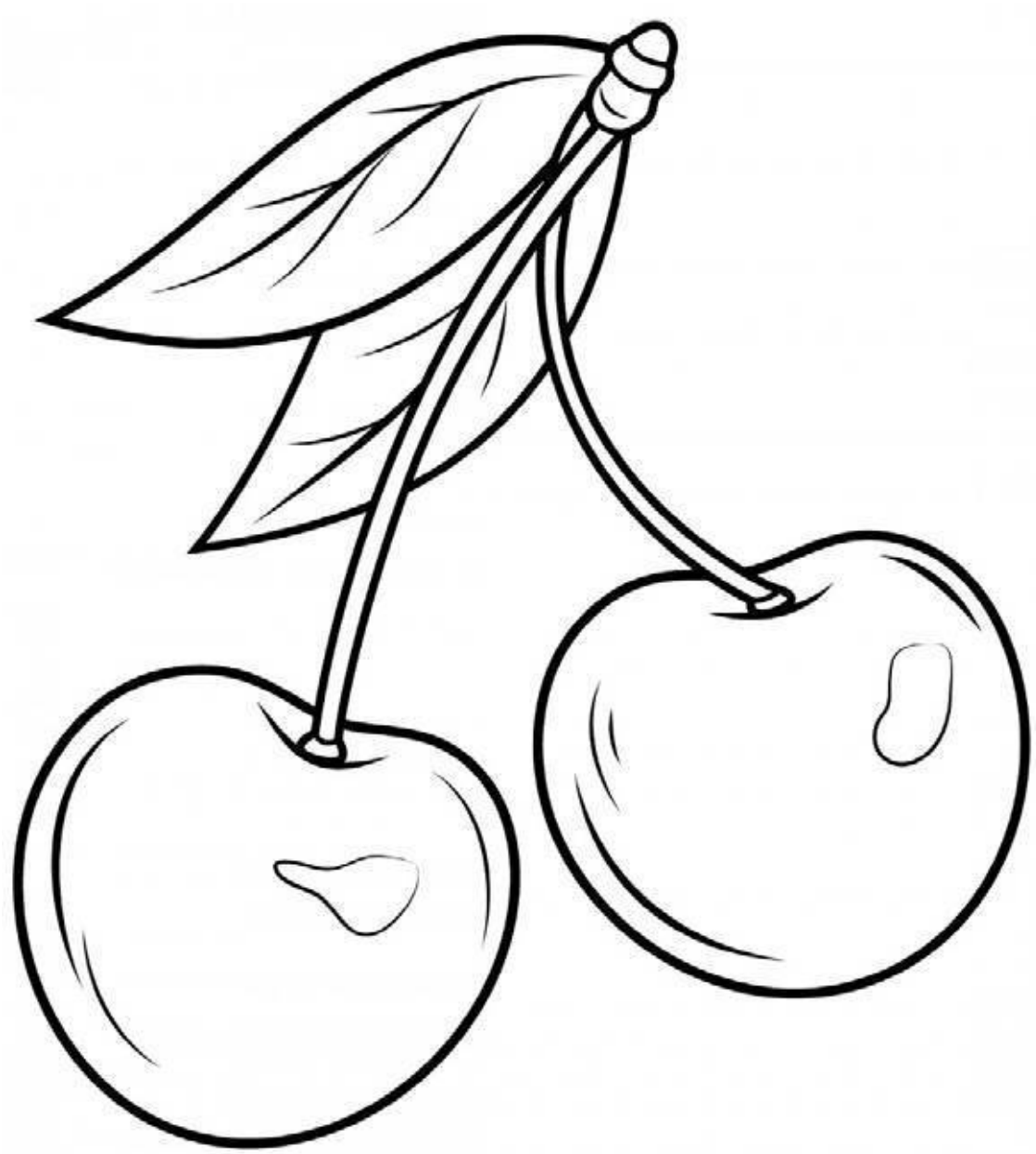
Настя оттирала вишенку, а Саша редиску, и через несколько минут вишенка и редиска стали такими яркими, будто их нарисовали только сейчас. Миша тоже взял салфетку, долго оттирал растаявшую конфету, менял салфетку несколько раз, но добился всё-таки своего – полка в шкафчике стала гладкой, приятной и совсем не липкой.

Потом Коля, Денис, Света и другие ребята тоже помыли и почистили свои шкафчики, на которых теперь, сияя чистотой, улыбались вишенка, редиска, помидор, огурчик, персик и другие фрукты и овощи.

А у Тёмы на шкафчике, как оказалось, рядом с арбузом была нарисована отрезанная долька, которую никто не видел из-за прилипшей жвачки. И эта долька, когда проявилась, была как самая настоящая, такая настоящая, что её даже съесть хотелось.

Теперь по вечерам, когда дети уходили домой, и в раздевалке становилось тихо-тихо, картинки на шкафчиках снова начинали разговаривать между собой, но уже радостно и весело.

А каляки-маляки стали жить только в альбомах для рисования.



Чёлочку поправим, мамочку поздравим

В младшей группе «Колокольчик» детского сада уже две недели шло приготовление к Маминому празднику – Дню 8 Марта, на который пригласили мам и бабушек, и который должен был состояться в четверг. Малыши разучивали стихотворения, танцы и песенки для утренника, и теперь каждый день из группы «Колокольчик» слышалось пение, которое становилось всё дружнее и дружнее:

Солнышко лучистое
Улыбнулось весело,
Потому что мамочке
Мы запели песенку.
Песенку такую:
«Ля-ля-ля!»
Песенку простую:
«Ля-ля-ля!»

Кроме концерта мальчики и девочки готовили поздравительные открытки, они делали их сами – на голубом фоне был нарисован зелёный стебелёк с листиками, а вокруг облако жёлтых шариков, похожих на маленьких, весёлых цыплят, этот цветок назывался мимоза. Воспитательница Мариванна, конечно, немного помогала нарисовать пушистую мимозу, но всё-таки Катя, Света, Саша, Коля и другие ребята делали открытку сами, делали её старательно, с любовью, делали её для мамы.

Открытку дети положили на полку в свой шкафчик для одежды в раздевалке, чтобы перед утренником взять её с собой. Вечером в среду за Тёмой в детский сад пришёл папа, пришёл поздно, когда всех детей уже забрали, и он остался один.

Ушла воспитательница Мариванна, и за Тёмой присматривала нянечка, она начала к этому времени уборку – в раздевалке стояло ведро с водой, рядом швабра, а сама нянечка поливала из маленькой лейки цветы на окнах в соседней комнате.

– Одевайся быстрее, мы последние, – папа положил шапку, шарф Тёмы на шкафчик и протянул ему куртку, – где твои ботинки?

Тёма вспомнил, как бегал на прогулке по лужам, как сердилась на него Мариванна и как потом поставила его ботинки в сушилку. Папа пошёл за ботинками, а Тёма потянул шарф со своего шкафчика, потянул, и вдруг из-под шарфа выпала и упала прямо в ведро с мыльной водой поздравительная открытка.

Тёма застыл и зачарованно смотрел, как она постепенно намокает, намокает, как темнеет её голубой фон, как становятся размытыми зелёные листики и жёлтые шарики-цветы, как она тонет и идёт ко дну, будто корабль в океане. Так интересно!

Это была открытка Лизы, именно её шкафчик находился рядом, но почему-то она была не внутри на полке, а сверху, и Тёма… Тёма уронил её в воду. Что же будет?!

Если бы он сразу подхватил открытку и вытащил её из воды, то она не опустилась бы на дно ведра и не размокла бы так сильно, и, может быть, всё бы обошлось, но Тёма только смотрел и смотрел.

– Держи, – папа дал Тёме ботинки, – смотри-ка, они даже тёплыми стали в сушилке. Ты что же по лужам бегал?

Тёма стал оправдываться, что он не один, что Максимка и Лена тоже бегали по лужам, и Максимка даже упал и испачкался весь, а Мариванна, Мариванна… Тёма отвлёкся и забыл про открытку.

На улице было светло, день уже заметно прибавился к весне, звенела, падая с крыш, капель, чирикали воробьи, спешили прохожие, возвращаясь с работы.

Папа стал расспрашивать Тёму об утреннике, какие стихи, песни они разучивают, и тут Тёма вспомнил про открытку, которая утонула, вспомнил и остановился.

– Что случилось? – папа посмотрел на сына.

Тёма рассказал.

– Завтра утренник, Лиза плакать будет, – грустно закончил он, опустив голову.

– Да, некрасиво получилось. Знаешь, Тёма, нам придётся сделать для Лизы новую открытку, – папа посмотрел на часы, – но, к сожалению, книжные и канцелярские магазины уже закрылись. Что же делать?

Глаза Тёмы покраснели и наполнились слезами, готовыми вот-вот побежать по щекам.

– Подожди, ведь в метро есть киоск, где торгуют карандашами, тетрадями, ручками, – папа обнял сына, – наверняка там должна быть и цветная бумага.

К счастью, киоск был открыт, и папа купил всё необходимое.

Придя домой, папа с Тёмой закрылись в комнате, попросили маму не заглядывать к ним и сели за стол. Папа стал расспрашивать, какой цветок был на открытке Лизы, чтобы нарисовать такой же, но Тёма никак, ну просто никак не мог вспомнить это слово – мимоза. И папа тоже забыл, что на 8 Марта женщинам часто дарят мимозу, он показывал сыну на картинках тюльпан и гвоздику, ромашку и розу, и даже незабудки, но всё не то.

– Знаешь что, Тёма, помнишь, я тебе читал книжку про волшебный цветик-семицветик – нужно загадать желание, оторвать лепесток, и исполнится то, что ты задумал. Здорово ведь, правда? Давай нарисуем Лизе цветик-семицветик!

Глаза у Тёмы загорелись:

– Давай!

Работа закипела, и вскоре на картонке красовался необыкновенный цветок, у которого было семь лепестков разного цвета, как в радуге: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Цветок с продолговатыми, разноцветными лепестками держался на стебельке с зелёными, резными листьями.

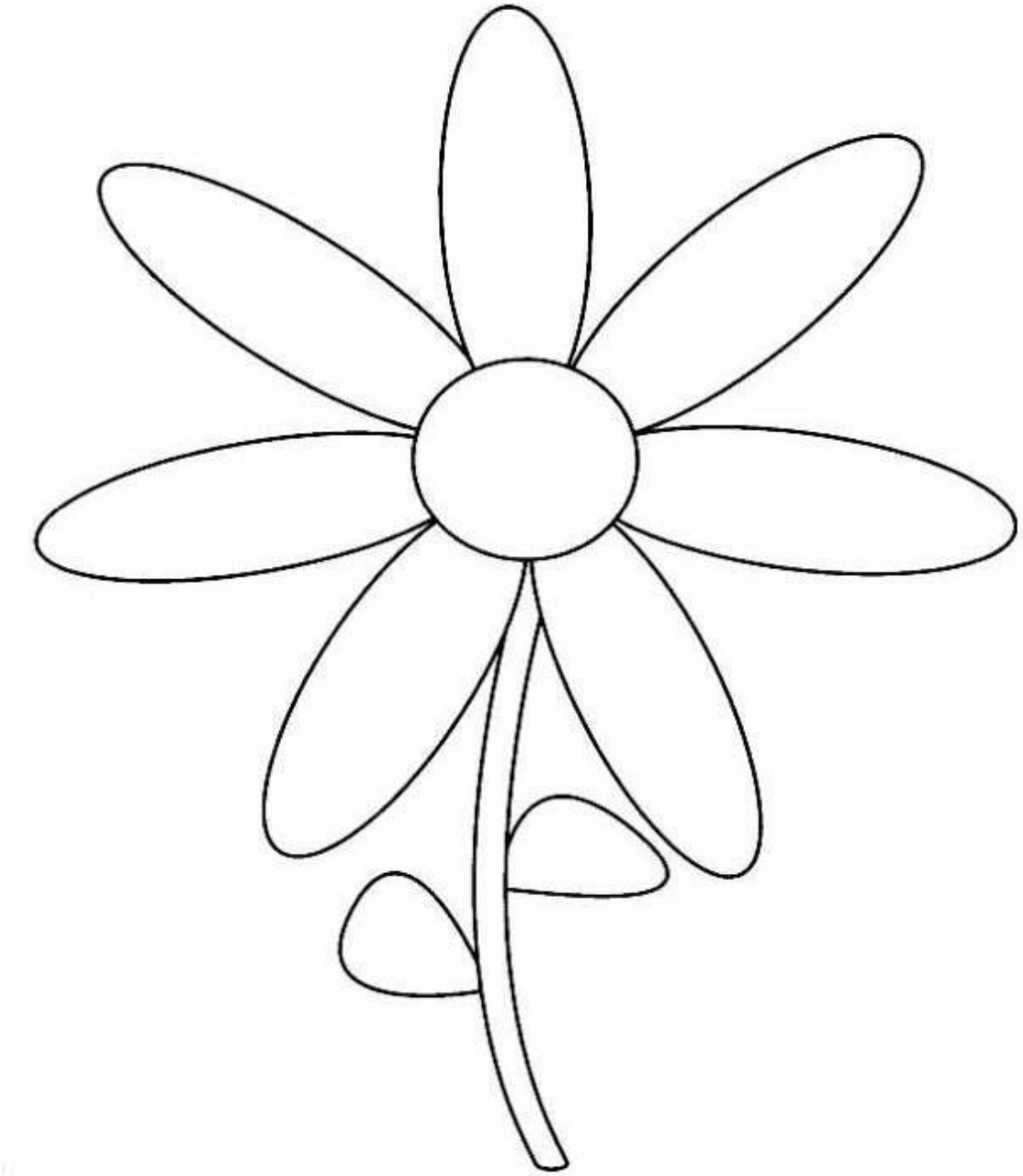
– Краси-и-и-во! – пропел Тёма, восхищённо глядя на открытку.

– Красиво, – повторил папа, – а ну-ка, сынок, спой мне песенку, которую учил к маминому празднику, и которая тебе нравится, ну хотя бы один куплет.

Тёмочка встал из-за стола и, помедлив немного, запел:

Чок, чок, каблучок,
Мы танцуем гопачок.
Чёлочку поправим,
Мамочку поздравим.
Чёлочку поправим,
Мамочку поздравим.

В зал группа «Колокольчик» входила парами – мальчик с девочкой, и каждый нёс в руках открытку, на которой была нарисована ветка мимозы с пушистыми, жёлтыми комочками цветов, а у Лизы на открытке был нарисован цветик-семицветик, похожий на разноцветную, весёлую радугу.



Кукла

Васютка с бабушкой Ольгой Сергеевной стояли в парке у автомата с игрушками и пытались рычагом, похожим на железную руку, подцепить калейдоскоп, который всё выпадал и выпадал, и подхватить его никак не получалось.

– Бабушка-а, теперь в сторону и вверх, ещё, дай я нажму.

Упал, опять упал, – на лице Васютки было разочарование. Калейдоскоп был такой красивый – ярко-жёлтые звёзды на синем фоне, а если его покрутить и посмотреть в маленькое окошко, то можно увидеть меняющиеся, как по волшебству, красивые узоры из разноцветных, цветных стёклышек. У Васютки раньше был калейдоскоп, но он его потерял где-то, и так хотелось получить новый!

К соседнему автомату подошла девочка приблизительно того же возраста как Васютка, рядом с ней была её бабушка. Девочка бросила жетон, вместе с бабушкой взялась за рычаг, и они стали подхватывать какую-то игрушку.

Рука-рычаг, которой старательно управляли Васютка и Ольга Сергеевна, опустилась в глубину кучи игрушек и извлекла откуда-то со дна прозрачный, пластиковый футляр, потом выбросила его в специальное отделение, где Васютка взял его. Он открыл футляр и достал небольшую куколку – у неё были длинные, золотые волосы, собранные алой лентой в пышный хвост, розовое платье, розовые туфельки, и сидела она на изящных, белых качельках. Качельки раскачивались, туфельки снимались-одевались, а золотые волосы можно было заплести в косичку или даже в две.

Васютке недавно исполнилось четыре года, родные дарили ему машинки, конструкторы, солдатиков, зверюшек разных, а кукол у него никогда не было.

Между тем, девочка с бабушкой достали из автомата калейдоскоп – как раз тот, который хотел Васютка.

– Бабушка, я тоже хочу такую, – девочка зачарованно смотрела на куклу в руках Васютки.

– Подожди, я жетон куплю.

Касса была рядом, бабушка купила не один, а два жетона. Вначале они вытащили небольшую, пожарную машинку, а потом достали белую плюшевую мышку на колёсиках, у которой крутился хвостик, когда она ездила. Васютка стоял рядом, с интересом наблюдая за девочкой и держа в руках свою куклу.

– Бабушка, я куклу хочу, как у мальчика, – захныкала девочка.

– Во-первых, жетонов у меня больше нет, а во-вторых, такой куклы тоже нет, я посмотрела. Была одна, её мальчик достал.

Ольга Сергеевна наклонилась к внуку:

– Васенька, поменяйся с девочкой игрушкой.

– Нет, – внук прижал к себе куклу.

– Зачем тебе кукла, ты же не девочка.

И тут Васютка неожиданно развернулся и побежал домой, да так быстро, что Ольга Сергеевна еле догнала его и строго взяла за руку. Хорошо, что жили они рядом с парком, где был этот автомат с игрушками, и где были детские площадки и разные качели-карусели.

Дома Васютка разделся, пошёл на кухню и поставил куклу на подоконник.

Обеденный стол стоял у окна, Васютка сидел напротив, и теперь, когда он ел, то всегда смотрел на свою принцессу. Он не играл с ней, достанет лишь изредка из прозрачного футляра, покачает на качельках туда-сюда, туда-сюда, посмотрит, посмотрит, да и уберёт обратно, и поставит на середину подоконника.

Несколько раз мама хотела положить куклу в ящик со всеми игрушками, но Васютка так расстраивался, что куклу больше не убирали.

Окно было большое – от стены до стены, и когда дверь на кухню была открыта, то все, входившие в квартиру, сразу видели принцессу с золотыми волосами на белых качельках, и она, как добрая красавица-фея из сказки, приветствовала каждого.

Весна незаметно прошла, и на лето Васютка уехал с бабушкой и родителями на дачу, а когда пришла осень, он пошёл в новый детский сад – поближе к дому.

У всех детей в раздевалке детского сада были свои шкафчики для одежды, на каждом нарисована своя картинка – какой-нибудь фрукт или овощ. На Васюткином шкафчике был красный помидор с задиристым, зелёным стебельком, на шкафчике справа – оранжевая морковка, а слева – спелая, жёлтая груша.

В шкафчик с нарисованной грушей вешала одежду Наташа, а там, где была морковка, раздевалась Лиза – та самая девочка, которая весной хотела достать из автомата куколку на качелях. Васютка узнал Лизу и подружился с ней, они часто играли вместе, и воспитательница посадила их за один стол – теперь они завтракали, обедали, ужинали и рисовали, лепили из пластилина, и смотрели книжки с картинками вместе.

Однажды Лиза не пришла в детский сад один день и два, и неделю, и две недели, её шкафчик в раздевалке пустовал, и казалось, что даже весёлая морковка на дверце загрустила. Место за столом рядом с Васюткой было теперь свободным, и ему так не хватало Лизы на прогулках – вот сейчас бы катались на горке, сейчас играли в мяч, а сейчас просто бегали.

Потом Васютка узнал от бабушки, а она от воспитательницы, что Лиза лежала в детской больнице с воспалением лёгких, и ей делали уколы. Постепенно она стала выздоравливать и сейчас находилась дома, понемногу гуляла в парке, но в детский сад пока ещё не ходила.

Когда Васютка узнал, что Лиза поправляется, он очень обрадовался и вечером, придя домой, достал из футляра куклу – золотоволосая принцесса сидела на качельках и улыбалась голубыми глазами, а её розовое, воздушное платье и розовые туфельки даже не выгорели на солнце. Васютка долго смотрел на красавицу, потом положил её в футляр и плотно закрыл его.

Утром он попросил бабушку передать куклу Лизе, и бабушка сказала, что это возможно. А через день она сообщила, что Лиза очень обрадовалась кукле, благодарит Васю, и скоро она поправится.

– Не жалко принцессу? – спросила мама, когда вечером шла с Васюткой из детского сада домой. – Она так нравилась тебе, почему же ты отдал её?

– Потому что Лиза болеет, и потому что она… она красивая.

– Кто? Принцесса на качельках? – мама обняла Васютку и улыбнулась. – Или Лиза?

Васютка вырвался, засмеялся и побежал, подпрыгивая на одной ножке, по аллее парка.

Через неделю он бегал уже вместе с Лизой.

На их шкафчиках в детском саду снова весело переговаривались между собой красный помидор и озорная морковка. А у Лизы на подоконнике улыбалась голубоглазая принцесса на изящных, белых качельках.

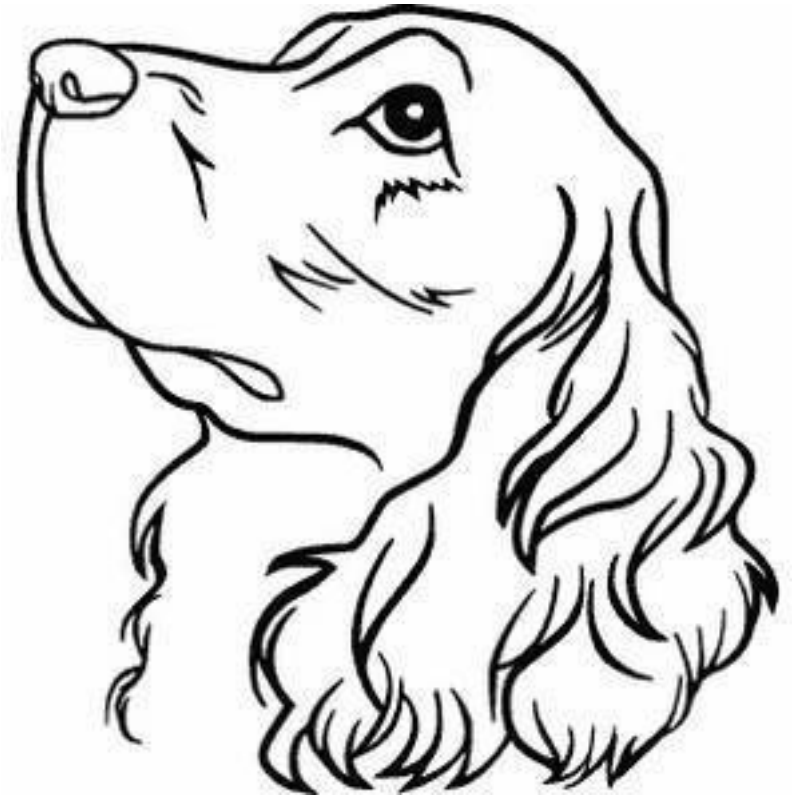
Ларик и вороны

Ларик, английский чёрный спаниель из пятого подъезда, лежал на животе во дворе дома, вытянув лапы и зажав в передних лапах здоровущую кость. Кость эту он, конечно, стащил где-то на помойке. Все жильцы большого дома знали эту слабость Ларика, но любили его, потому что Ларик был собачкой доброй, весёлой и всем всегда дружелюбно махал хвостиком.

Ларик увлечённо грыз кость, не замечая ничего вокруг, а в это время его окружили вороны – три спереди и две сзади. Когда две вороны сзади кусали Ларика за хвост, то три вороны спереди именно в этот момент пытались ухватить кусочки косточки, разбросанные на земле. И это им удавалось. То есть, одни вороны отвлекали, а другие действовали.

Ларик на эти нападения не реагировал, только слегка поднимал голову и вновь продолжал радостно грызть косточку. А вороны всё атаковали и очень слаженно атаковали.

Какие же они всё-таки умные и хитрые!



Дракоша

Ранним утром Юля стояла у окна и с интересом и удивлением смотрела на парк.

Она жила рядом, в большом доме, в квартире на высоком этаже, откуда весь парк был как на ладони. Только ей надо было встать на носочки, потому что до самого окна она ещё не доставала – ей было всего три годика.

– Дочка, отойди от окна, ты же знаешь – я не разрешаю, – строго сказала мама.

– Посмотри, посмотри, – Юля подбежала к маме, схватила её за руку и потащила к окну, – там…

На зелёной лужайке парка неожиданно, как в сказке, откуда ни возьмись, появился Дракон. Поэтому сразу после завтрака Юля с мамой заторопились в парк – что же там происходит? Вокруг Дракона, которого все звали Дракоша, собралось много ребят. Среди них были и знакомые Юле мальчики и девочки – с одними она ходила в детский сад, с другими жила в одном доме и часто играла на детской площадке. И все они с огромным любопытством разглядывали Дракошу.

Он был большой, с синими глазами, оранжевой гривой, длинным, зелёным хвостом и жёлтым животом. Дракоша сидел на траве, вытянув передние и задние лапы вперёд и опираясь на хвост, при этом его передние лапы лежали вдоль живота, создавая своеобразные стенки с двух сторон. А по животику Дракоши, который выглядел как высокая, крутая горка, были проложены деревянные брусочки, за них можно было держаться и карабкаться на самый верх, где находилась маленькая площадка.

Малыши друг за другом, стараясь изо всех сил и торопясь, карабкались наверх, на площадку и там, оттолкнувшись, быстро съезжали вниз, переговариваясь, смеясь, переворачиваясь в разные стороны и что-то выкрикивая, потом снова поднимались на горку и снова съезжали.

Вокруг Дракоши царило оживление, шум, веселье. Юля съезжала с горки, сзади её догоняли Петя и Лена, а дальше Катя с маленьким братом, и всем ребятам было так радостно и весело! А когда приходил вечер, Дракоша уходил спать – он сдувался, потому что был резиновый, как простой резиновый мячик. Но каждое утро Дракоша просыпался, глубоко вдыхал и набирал воздух, расправлял плечи, и вновь улыбался, приглашая малышей: «А ну-ка, прокатись!»

Однажды на горку к Дракоше залезли три незнакомых мальчика, они были заметно старше и катались по-другому – грубо расталкивали малышей, да так сильно, что некоторые падали и начинали плакать. На замечания они не реагировали и ушли только тогда, когда сами захотели.

И вскоре после их ухода Дракоша вдруг стал оседать, оседать и… сдулся, как сдувается порванный воздушный шарик. Теперь он лежал на траве плоский, печальный, непохожий на себя. Подойдя ближе, Юля разглядела порез на его животе, похожий на рваную рану, она загрустила и прижалась к маме:

– А Дракоша поправится?

– Обязательно поправится, дочка. Помнишь, как доктор Айболит вылечил зайчика и других зверюшек?

– Да-а, я помню – зайка бежал и попал под трамвай, а добрый доктор Айболит сказал: «Я пришью тебе новые ножки, ты опять побежишь по дорожке». Мамочка, Айболит вылечит Дракошу?

– Это знает только Айболит, но он сумеет, он справится.

Несколько дней Юля подходила к окну и всё смотрела и ждала Дракошу, но его не было. Даже погода нахмурилась, словно рассердилась на тех, кто поранил Дракошу, и вот уже четыре

дня моросил тихий дождик, дождинки которого были похожи на слезинки, что текли по щекам Юли, когда она вспоминала раненого Дракошу.

На пятый день из-за туч выглянуло солнце и осветило зелёную лужайку, на которой появился Дракоша. Снова ребятишки карабкались вверх по лестнице, и снова весело катились с горки. Глядя на радостную возню малышей, улыбались кудрявые облака, бегущие по светлому небу, улыбались мамы, и улыбался Дракоша.

В этот тихий осенний вечер

«Младшая группа «Колокольчик», – прочитала Ольга Сергеевна знакомое название на двери детского сада.

«Рано пришла, ещё полдник, подожду», – подумала она и вспомнила, что на родительском собрании воспитательница Мариванна просила придумать девиз к названию «Колокольчик». Но кроме известного «Колокольчики мои, цветики степные» Алексея Толстого ничего Ольге Сергеевне не вспомнилось. Хотя нет, вот ещё: «Колокольчик голубой поклонился нам с тобой. Колокольчики цветы очень вежливы, а ты?»

И всё бы ничего в этом стишке, но это «а ты?» смущало и вызывало какие-то далёкие воспоминания о плакатах – «Ты записался?» «Ты участвуешь?» «Ты сделал прививку?»

«С колокольчиками всё же надо разобраться», – решила Ольга Сергеевна.

В это время дверь открылась, выбежал Васютка и радостно повис на бабушке.

– Ольга Сергеевна, – обратилась к ней появившаяся Мариванна, – Васенька на прогулке нос разбил, такой он непоседа, вы уж извините, не доглядели мы.

– Ничего, он и со мной мог упасть, знаю его, – Ольга Сергеевна разглядывала три свежие царапины на Васюткином носике.

У ворот детского сада их терпеливо ждала Жулька, за ошейник привязанная к забору, а увидев бабушку и Васю, она радостно запрыгала и завиляла хвостиком. Ольга Сергеевна часто брала с собой Жульку, когда ходила за внуком в детский сад, их обратный путь шёл через парк, и все вместе они дружно выгуливали друг друга.

На переходе она увидела на другой стороне улицы странного мужчину – высокий, расстёгнутая кожаная куртка, полосатый шарф, растрёпанные тёмные волосы до плеч, а на голове… на голове у него сидел такой же растрёпанный котёнок с серьёзными, строгими глазами.

Ольга Сергеевна так загляделась на котёнка, что забыла перейти улицу, так и стояла на переходе. Между тем, мужчина, перейдя улицу, подошёл к ней, и несколько минут они молча смотрели друг на друга. Оживилась одна Жулька, но вскоре успокоилась – к кошкам она была равнодушна. На носу незнакомца красовались такие же, как у Васютки, свежие царапины, их было тоже три.

– Фунтик, – громко сказал мужчина.

– Кто? – совершенно глупо переспросила Ольга Сергеевна, но тут же, рассмеявшись, исправилась. – Извините.

– Ничего, если вы будете называть меня Фунтик. Вообще-то я Павел, а для некоторых, – мужчина с улыбкой взглянул на Васютку, – для некоторых дядя Паша.

Фунтик строго и взъерошено смотрел сверху вниз и молчал.

– Нашёл его две недели назад на помойке, услышал, кто-то пищит, смотрю пакет, открыл, а там он. Подлечил, подкормил. А дома один Фунтик не остаётся, вот результат, – и Павел показал царапины на носу.

– А почему… почему на голове? – удивилась Ольга Сергеевна.

– Гуляем, – задумчиво ответил Павел.

На несколько минут замолчали.

– Вам куда? – спросил Павел.

– Мы в парк идём погулять.

– Я вас провожу, если не возражаете.

По дороге они разговорились. Оказалось, Павел жил в соседнем доме, куда переехал недавно из центра, жил один, а теперь вот с Фунтиком.

После долгих, утомительных дождей в эти первые дни ноября установилась сухая, солнечная погода. Мягкий, предзакатный свет освещал облетевшие, осенние деревья, в воздухе

были разлиты тишина и покой. Ольга Сергеевна с Васюткой, Жулькой и Павел с Фунтиком на голове шли неторопливо, говорили о чём-то, ни о чём, не вспомнить потом, изредка смеялись. Прохожие, улыбаясь, оглядывались на них. Фунтик ни разу не замяукал, а Жулька не залаяла, видно и они прониклись тем особым спокойствием, которым дышал этот осенний вечер.

– Держи, малыш, на прощание, – Павел наклонился и дал Васютке маленький золотой ключик, – да у тебя на носу тоже боевое ранение. Ну что же, увидимся, соседи всё-таки, до свидания.

– Пока-пока, – Васютка радостно помахал рукой, в которой держал ключик.

– Мимо вас с Фунтиком не пройдёшь, до свидания, – улыбнулась Ольга Сергеевна.

В парке она, Вася и Жулька пришли на детскую площадку, где в этот вечер гуляли только Настенька и её бабушка, они жили в соседнем подъезде.

Настенька бегала и возила за собой пожарную машинку, иногда останавливалась, оставляла её и начинала играть в полосатый мячик. У Васи игрушек не было, и он сразу подбежал к машинке, в руке у него был золотой ключ, который дал ему дядя Паша. Вася вставил его в расположенное сбоку отверстие, покрутил, покрутил, и пожарная машина неожиданно поехала, мигая жёлтыми фарами.

– Надо же, подошёл! А мы свой ключ давно потеряли, – сказала бабушка Насти.

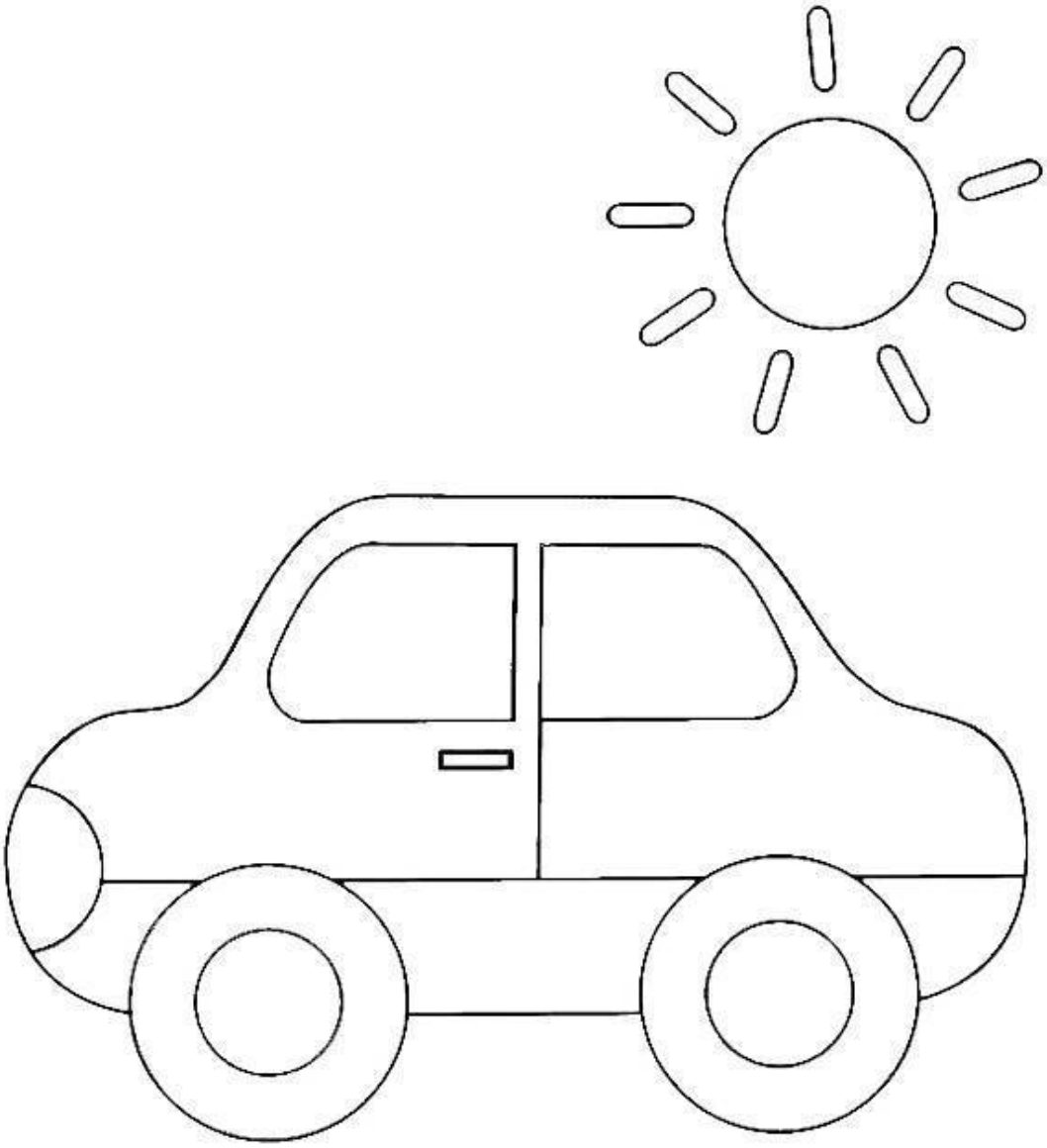
Обретя такое счастье, Вася никак не хотел расставаться с машинкой и расплакался, когда Ольга Сергеевна хотела вернуть её Насте. Успокоить его не получалось.

– Возьмите эту машинку себе, – предложила бабушка Насти и, улыбнувшись, добавила, – ведь Васенька к ней ключик нашёл!

– Спасибо, мы завтра вам мишку заводного принесём.

– Да ладно, играйте.

Стемнело, на ночном небе появились первые звёзды, и в парке зажглись фонари.



Они освещали вечерним светом дорогу, для каждого свою, по которой шли Ольга Сергеевна, Васютка, Жулька, шла воспитательница Мариванна и Настенька с бабушкой, шёл Павел с Фунтиком на голове… в этот тихий, осенний вечер.

Велосипед

Младшая группа «Колокольчик» детского сада, куда ходил Васютка, внук Ольги Сергеевны , была на вечерней прогулке, когда она пришла за ним.

Увидев её, он радостно подбежал, повис на руке, прижался:

– Бабушка!

Попрощавшись с воспитательницей, они пошли к выходу, но Васютка потянул к входной двери в свою группу, около которой стояли несколько детских велосипедов.

«Видимо, из ближних домов дети на них приехали», – подумала Ольга Сергеевна.

– Бабушка-а, купи «весипед»! – запросил Вася, пытаясь сесть на сиденье одного из велосипедов.

– Вася, нельзя, это не наш!

– Купи!

– Знаешь, я тоже об этом думала, вот в ближайшие выходные и купим. А сейчас пошли домой.

В ближайшие выходные Ольга Сергеевна с сыном и Васенькой были в магазине. Вдоль стены стояли по росту велосипеды – от больших до самых маленьких, дорожные, спортивные, мужские, женские, детские трёх- и двух- колёсные всевозможных расцветок.

Подбирали по росту, устойчивости и прочности:

– Вася, ну-ка садись вот на этот! Удобно? Ножками давай покрути! Не достаёшь? Садись на этот. Подходит?

Наконец, все были довольны, и цвет нарядный, синий, только на раме с одной стороны была глубокая царапина.

– Нельзя ли заменить? – спросила Ольга Сергеевна.

– Нет, этот последний.

Так и взяли велосипед с царапиной.

На троллейбусе доехали до парка, который был рядом с домом. Вася сел на велосипед, закрутил ножками и поехал, как будто давно знал и этот руль, и педали, и звонок спереди, да так быстро поехал, что вот уже далеко впереди.

– Вася, не спеши! – закричала Ольга Сергеевна.

– Вася, остановись! – позвал сын.

Но куда там! Быстро, быстро поехал Васютка по дорожкам парка, щёки раскраснелись, улыбается, глаза блестят, светятся, говоря:

– Посмотрите, какое у меня счастье!

Сын догнал его, остановил и стал учить кататься медленнее.

Дома на раму велосипеда Вася наклеил рисунок с изображением мишки.

Теперь каждый день после детского сада Ольга Сергеевна с Васюткой заходили домой, брали велосипед, шли в парк и… поехали! Малыш научился кататься спокойнее, далеко не уезжал и возвращался сам.

Однажды Ольга Сергеевна сидела на скамейке, наблюдая за внуком, и задумалась о чём-то… весна, молодые листики проклюнулись на деревьях, солнышко светит, воробьи чирикают, но вот подбежал Васютка.

– Бабушка, пошли!

Васенька поехал в сторону танцплощадки, открывшейся в парке недавно. Ему надоело ездить на велосипеде, а захотелось побегать по гладкому, блестящему, пахнущему деревом, полу. Здесь теперь часто собирались родители с маленькими детьми.

Они оставили велосипед рядом с танцплощадкой. Васютка, увидев знакомых, побежал к ним, у кого-то был мяч, у кого-то машинка, у девочек коляски с куклами, дети весело играли, бегали.

Вдруг появилась незнакомая девочка приблизительно того же возраста, что и другие дети.

Её чёрные, кудрявые волосы выбились из-под шапочки, чёрные глазки, зелёная куртка, быстрая, озорная, она подбегала к детям, выхватывала игрушки, бегала с ними, бросала и снова отнимала. У Дашеньки из пятого подъезда отняла воздушный шарик, и он лопнул. Малышка заплакала.

– Вы научили бы свою девочку спрашивать: «Можно?» – сказала бабушка Даши молодой маме этой незнакомой малышки.

– У нас во дворе все так себя ведут! – с вызовом ответила она.

– А у нас есть слова «можно» и «нельзя», – строго произнесла бабушка Даши.

Ольга Сергеевна отвлеклась, разговаривая с соседкой по дому, а потом увидела, что маленькая незнакомка катается на велосипеде Васи.

«Пусть покатается!» – подумала она.

А когда решила пойти домой, то обнаружила, что велосипеда нет. Не было и незнакомки с девочкой в зелёной куртке. Васютка стоял около Ольги Сергеевны готовый вот-вот заплакать.

– Бабушка, где «весипед»?

– Нам его вернут, Васенька. Покатаются и вернут.

Но малыш расплакался. Так и пошли домой без велосипеда. Надо ли говорить, какое у них было настроение, и каким был тот вечер. На следующий день из детского сада домой они пошли через парк. Ольга Сергеевна хотела увлечь Васютку качелями, горкой, но он побежал к танцевальной площадке, где вчера пропал его новенький велосипед.

Подойдя к танцплощадке, они увидели свой велосипед – синий, с царапиной на раме и с наклейкой, на которой был нарисован мишка, и которую Васютка наклеил недавно.

– Мой «весипед»! – радостно закричал он.

К раме велосипеда была привязана картонка с надписью: «Извините».

Лошадки

Детский сад, в который родители недавно перевели Павлика, был теперь ближе к его дому и располагался на необыкновенной улице.

Эта улица с недавних пор стала пешеходной, её покрыли плиткой, поставили по центру красивые фонари, скамейки и сделали клумбы, на которых с ранней весны и до глубокой осени цвели и радовали глаз разные цветы. Вначале распускались красные и жёлтые тюльпаны и белоснежные, изящные нарциссы, их сменяли анютины глазки и нежные маргаритки, позже сажали бархатцы и астры. Астры напоминали об осени и опавших листьях на дорожках парка, о школе и первоклассниках с букетами цветов первого сентября.

Улица проходила по старому, городскому парку, с одной стороны отделяясь от него высокой, ажурной решеткой; в этой части парка были качели-карусели и детские площадки. С другой стороны улицы парк был дикий, с небольшим озером, с зарослями черёмухи и могучими, вековыми дубами; к этой, дикой, части парка и прилегал детский сад, в который теперь ходил Павлик.

Справа от детского сада была школа, слева четырёхэтажный жилой дом, рядом с ним бассейн, чуть дальше и в глубину от которого находилась конюшня. Павлик раньше никогда здесь не был, наверное, потому, что был ещё маленький.

Однажды весной Елена Сергеевна, бабушка Павлика, привела его в детский сад и, прощаясь, сказала:

– Сегодня приду за тобой раньше, пойдем лошадок смотреть, и ты узнаешь, как и где они живут.

Павлик очень обрадовался, потому что лошадок он видел только на картинках в книгах и в альбомах для раскрашивания. В глубине от пешеходной улицы стояло довольно длинное двухэтажное здание, рядом с которым на отгороженной площадке девушка выгуливала лошадь, держа её за поводья.

Лошадь была высокая, чёрная, с тёмно-коричневой чёлкой, гривой, с длинным хвостом и с сильными, стройными ногами, одетыми в нарядные, белые носочки.

– Лошадка! – радостно воскликнул Павлик, подбежав к забору, который отгораживал площадку для выгула. – Бабушка, а что у тёти в руках?

– Тётю звать наездница, а в руках у неё хлыст, им она управляет лошадью и поводьями – она натягивает их, отпускает, и лошадка слушается, поворачивается направо, налево, или останавливается.

– Слушается, – повторил Павлик, глядя на лошадь, которая лёгкой рысью бегала по кругу.

Двери в конюшню были открыты, у входа сидел мужчина в униформе. Спросив его разрешения, Елена Сергеевна и Павлик вошли внутрь.

По центру конюшни шёл длинный, широкий коридор, по обе стороны которого располагались похожие на комнаты секции, верхняя часть которых представляла собой решётку из металлических прутьев.

– Видишь, Павлик, – объясняла Елена Сергеевна, – каждая лошадка стоит в отдельной секции или комнате, она называется…

– …денник, а я конюх – человек, который ухаживает за лошадьми, – вступил в разговор подошедший мужчина в униформе. – Меня звать дядя Миша, а тебя, малыш, как?

– Павлик.

– Хочешь угостить лошадку? Её звать Зорька.

– Хочу, – глаза Павлика загорелись.

Дядя Миша достал из кармана морковку и протянул её Павлику:

– Положи морковку вот сюда, на эту площадку на ограждении, – сказав это, он приподнял Павлика, и тот положил угощение между широко расставленных металлических прутьев решётки.

А Зорька уже ждала, аккуратно взяла морковку мягкими, большими губами и тут же, громко хрустя, съела её. Павлик рассмеялся.

– Чем можно угощать лошадок? – спросила Елена Сергеевна.

– Можно давать яблоко, сухари или сушки, но лучше всего и полезнее морковь. А знаешь, какая у лошадок главная еда? – задал вопрос дядя Миша и, увидев удивлённые глаза Павлика, сам же ответил. – Лошадь – животное травоядное, поэтому основные корма для неё – это овёс, отруби, сено, их дают лошадям через равные промежутки времени. У нас на заднем дворе лежит сено, вы можете взять немного и покормить любую лошадку.

После знакомства с Зорькой Елена Сергеевна и Павлик пошли по коридору конюшни и стали рассматривать лошадей, их имена были написаны на табличках секций. Лошадей было двадцать, и имена у всех были красивые – Агат, Геркулес, Злата, Пчёлка, Егоза…

– Гармонист, – прочитала Елена Сергеевна и рассмеялась, – смотри, Павлик, и музыкант есть.

Лошади были разной масти – чёрные, белые, рыжие, но у всех чёлки, пышные гривы, длинные хвосты и большие, выразительные глаза.

– Бабушка, давай дадим лошадкам сено, дядя Миша разрешил.

Елена Сергеевна с Павликом вышли во двор, завернули за угол конюшни и увидели загон, где гуляли две небольшие лошадки, позади загона был невысокий, деревянный дом.

– Бабушка, смотри какие маленькие!

– Эти лошадки называются пони, а в том доме, что позади, они, наверное, живут, но почему-то отдельно от остальных.

Елена Сергеевна с Павликом подошли ближе, пони звали Элис и Молли. Элис была серой масти, с чёрной гривой и хвостом, а Молли чуть ниже, рыжая, с коричневым хвостом и гривой, и с белым, похожим на звёздочку, пятнышком на лбу. Недалеко от загона, около забора было сложено сено, спрессованное в небольшие тюки, как печенье в пачке, от сена пахло летом и солнцем.

Елена Сергеевна выдернула пучок сена и дала Павлику. Элис и Молли стояли, прижавшись к забору, и внимательно наблюдали за бабушкой и внуком. Не успела Елена Сергеевна протянуть угощение, как Элис наклонилась через забор и выдернула сено из её рук, и не только выдернула, но и оттолкнула Молли, которая теперь стояла позади.

Элис начала ходить около забора, карауля угощение, и как ни пытались бабушка с внуком дать пучок сена Молли, они не смогли сделать этого – тут же перед ними появлялась Элис. Чтобы перехитрить её, нужно было давать угощение одновременно обеим пони, тогда Элис не могла отогнать Молли.

– Бабушка, почему так, почему Элис обижает Молли?

– Может быть, она очень хочет есть?

– А мы завтра придём? Принесём морковку?

– Придём.

С тех пор бабушка и внук стали навещать пони каждый день. Елена Сергеевна приносила морковку, яблочко, изредка сухарики, но в основном морковку, которую дома мыла и резала на крупные куски. Павлик угощал Молли, а Елена Сергеевна Элис, по-другому не получалось – при появлении гостей Элис отгоняла Молли от забора, и та испуганно стояла вдали с обиженными глазами. Но и Элис, и Молли запомнили Павлика и бабушку, и стоило им только появиться, как они подходили к забору, ожидая угощения и глядя на всех умными глазами.

В тот день в загоне была только Молли. Елена Сергеевна и Павлик подошли к дяде Мише и спросили «почему».

– Элис подралась с Молли, прогнала её в дом, в конюшню, а потом укусила за руку маленькую девочку, когда та давала ей яблоко. Хорошо, что укус был поверхностный, и всё обошлось.

– Отчего же она вдруг укусила?

– Во-первых, девочка была незнакомая, может быть, она шумела, кричала, пони и лошади не любят этого, а потом характер у неё такой, вы же видели, как она гоняла Молли.

– Видели.

– Вот мы её и переселили, раз она никого не терпит. Теперь она живет в большой конюшне, в отдельной комнате, которая называется… – дядя Миша посмотрел на Павлика и улыбнулся, – которая называется денник.

– А Молли не скучает? Одна всё-таки.

– Что поделаешь, будем искать ей нового друга.

Прошло две недели. Елена Сергеевна с Павликом всё также навещали лошадок и пони и приносили им морковку и яблоки, а у Молли появилась новая подруга Ласточка, и они дружат.

Птичьи домики

Юля, маленькая девочка четырёх лет, стояла у окна и, поднявшись на носочки, с большим интересом разглядывала прилетевшую на подоконник птичку, которая своими блестящими, чёрными глазками смотрела через окно на Юлю, и так они изучали друг друга. У птички, размером с воробья, было ярко-жёлтое брюшко с «галстуком» посередине – широкой, чёрной полосой, идущей от груди до хвоста, спинка её была жёлтого, а крылья и хвост синего цвета.

– Бабушка, смотри, к нам синичка прилетела! – Юля подбежала к бабушке, взяла её за руку и потянула к окну. – Смотри, какая красивая!

– У неё действительно чудесная окраска!

– Бабуля, давай дадим ей поесть что-нибудь! Знаю, что птичкам можно давать хлеб, я видела, как в парке мальчики бросали голубям булку.

– Голубям можно и булку дать, то есть белый хлеб, но зимой лучше подсушенный.

– А почему?

– Потому что в свежем хлебе много влаги, которая на морозе замерзает и превращается в лёд, и птицы такой хлеб есть не могут. Им можно давать сухой хлеб, причём белый, а не чёрный, и сухой как сухари, он превращается в крошки и лучше усваивается. Но больше всего птички любят…

– Любят семечки. Пойдём, бабуля, в парк, птичек покормим. Смотри, наша синичка на подоконнике улетела.

– Не расстраивайся, она улетела в парк, и мы её встретим.

В парке рядом с домом было светло и снежно, снег покрывал деревья, скамейки, все дорожки и тропинки, снег укрыл качели и горку, и нужно было расчистить горку лопаткой, чтобы кататься с неё.

На многих деревьях висели самодельные кормушки для птиц, многие были сделаны из пакетов для молока и сока, или из больших пластмассовых бутылок, в которых было вырезано отверстие, а внутрь насыпана крупа и семечки.

А на некоторых деревьях располагались настоящие деревянные птичьи домики, у которых была покатая крыша, чтобы снег сваливался с неё, а не задерживался в виде сугроба, было отверстие, куда залетала птичка, а перед ним обязательно находился шесток или насест, где птичка приземлялась, и уже потом забиралась в свой домик.

Юля с бабушкой ходили от кормушки к кормушке и раскладывали семечки подсолнечника и просо, которое взяли из дома. Этой крупой – просом бабушка удивила двух мальчиков школьного возраста, они сыпали в кормушки пшено.

Бабушка объяснила им, что пшено птицам давать ни в коем случае нельзя, потому что оно сильно разбухает, отчего птичка может даже умереть. Нужно давать именно просо.

– А что такое просо? – удивились мальчики.

– Просо – это, ребята, неочищенное пшено, пшено с кожицей, которая нужна всем птицам. Просо – главная составная часть всех кормов для птиц, в том числе и домашних попугайчиков, – объяснила бабушка.

– А ещё синички зимой едят сало, – сказал мальчик, который был постарше, и звали его Боря, – вот посмотрите!

Юля и бабушка оглянулись. Недалеко рос высокий, раскидистый дуб, к одной из нижних веток его был намотан узкий и длинный кусок белого сала, и издали казалось, что ветка была как будто забинтована. Рядом пристроились две синички, они отрывали крохотные кусочки сала, и было видно, что оно им нравится. Прилетевшая ворона отогнала синичек, и Юля подошла ближе. Ворона перелетела на другую ветку, с любопытством глядя на людей и спрашивая – чем вы меня ещё угостите?

Бабушка понюхала сало, привязанное к ветке дуба.

– Бабушка, почему ты нюхаешь сало? – спросила Юля.

– Чтобы узнать солёное оно или нет.

– И как? – спросил Боря.

– Вроде бы несолёное.

– Я знаю, что солёное сало, также как солёные семечки, смертельно опасны для птиц, – уверенно сказал Боря.

– Молодец, – улыбнулась бабушка. – Хорошо бы и другие это знали. Но сало – это неестественная еда для синичек, поэтому его можно давать только иногда и только несолёное.

Потом мальчики попрощались и ушли, а Юля с бабушкой пошли по краю парка, там, где был овраг и росли низкорослые кустарники.

– Смотри, бабушка!

На вершине кустарника, припорошённого снегом, они вдруг увидели маленькую корзиночку, сплетённую из тонких веточек и стеблей трав, она была удивительно крепкой, а по размеру… в ней могло поместиться, например, одно куриное яйцо. Какие птички здесь жили?

– Это опустевшее гнездо, Юля. Весной две маленькие птички свили здесь гнездо, вернее, гнёздышко, видишь, какое оно маленькое.

– А потом?

– Потом? Кто же знает, что было потом, были здесь птенчики или нет. Сейчас мы видим только опустевшее гнездо… среди зимы.

– Можно мне потрогать гнёздышко?

Бабушка подняла Юлю, и она аккуратно дотронулась до гнезда.

– Ты видишь, как прочно прикрепили птички гнездо, это просто удивительно, насколько прочно!

– Бабушка, а птички вернутся в своё гнездо?

– Мы, внучка, придём сюда весной и посмотрим. А до весны… до весны всего-то три месяца осталось.

Бабушка с внучкой отправились домой, а позади, на окраине заснеженного парка, среди тонких, переплетённых между собой ветвей кустарника осталось маленькое опустевшее гнездо. Вернутся ли сюда его обитатели? Кто же знает…

Рыбка

– Бабушка, смотри, рыбка губками шевелит, – мой трёхлетний внук Ванечка смотрел удивлённо-заинтересовано на рыбу в большой клетчатой сумке, с какими в лихие девяностые челноки ездили за границу.

С этой сумкой, лежащей на земле, стоял на базаре в городе Конаково мужчина средних лет, загорелый, крепкий, с аккуратной интеллигентной бородкой, одетый в военную униформу – защитного цвета брюки и ветровку.

– Это карп, Ваня, он… он скоро уснёт, как и другие рыбки в сумке, видишь, как много дядя наловил.

– Можно я потрогаю, бабушка?

– Можно. Верно, это карп, – добродушно ответил продавец, он же, видимо, и рыбак.

Ванюша осторожно дотронулся до туловища, головы рыбы, хотел сунуть пальчик ей в рот…

– Вот это нельзя, Ваня. Постой и просто посмотри на рыбку.

В распахнутой огромной сумке с одной стороны аккуратно лежали судаки, большие, серебристые, вытянутой формы, рядом несколько карпов, ещё живых, шевелящих губами, тут же лещи с толстой спинкой, а рядом много подлещиков. Около продавца устойчиво стоял и чувствовался уже издали запах свежей, недавно пойманной рыбы.

– Вот это улов! – с восхищением сказала я. – Сами поймали?

– А то кто же, – с гордостью ответил мужчина. – Вчера день да сегодня утром рыбачил.

– Наверное, с лодки?

– Конечно, судака на берегу не поймаешь, тем более таких…

– Сколько же весит вот этот судачок, – я показала на самого большого.

– Три с половиной килограмма, остальные – два и больше, – продавец раздвинул рыбу в сумке. – Видите, пять судаков поймал, берите на уху.

– У вас и лещи большие, красивые, уху-то можно и с лещами сварить, а судачка лучше на заливное.

– Вот и покупайте!

Ванечка сел на корточки и во все глаза смотрел на рыбу, никогда он не видел её столько и такую разную.

– Бабушка, купи эту рыбку, – внук указал на карпа. – Я его в тазик с водой пущу, можно?

– Ванечка, мы судака лучше купим. Завесьте нам этого – самого большого, сколько потянет?

– Три шестьсот, округлим – три с половиной килограмма. Завернуть?

– Спасибо, – расплатившись, я положила рыбу в сумку.

– Так что вы будете делать с ней, хозяюшка, как готовить?

– Из половины судака сделаю заливное, другую половину приготовлю по-польски.

– Это как?

– Да просто очень. Чистим, моем, режем рыбу, припускаем в специях до готовности. Отвариваем несколько яиц. Рублеными белками обсыпаем рыбку, а желтки перетираем с кусочком сливочного масла, доводим до кипения и поливаем этим соусом и рыбу, и молодую горячую картошечку, которую кладём рядом, и всё посыпаем укропом. Просто, быстро, вкусно и полезно.

– Спасибо, обязательно сделаю.

– Ещё добавим, конечно, малосольный огурчик со своего огорода и… и рюмочку, – мужчина улыбнулся. – Разрешите, хозяюшка?

– Ну что с вами делать! – рассмеялась я.

– А я вот уху делаю отличную, приходите через недельку в это же время за рыбой, может, жереха поймаю, принесу, и об ухе поговорим, поделимся опытом.

– Уха – это хорошо, договорились, приду.

– Бабушка, уха это что? У меня ухи есть, вот, – малыш показал на свои уши.

– Не ухи у тебя, а два уха. Есть уха – это суп такой из рыбы, а есть два уха, вот они, – я дотронулась до ушей внука. – Понял?

– Да, ухи-ухи-ухи, – Ванечка засмеялся, побежал вперёд, наткнулся на пустую пластиковую бутылку на земле, начал бить по ней ногой, подбрасывая и смеясь: – Ухи-ухи-ухи…

– А кто озорничает, мы того «за ушко да на солнышко», – я пыталась быть строгой.

– Бабушка, ты мне про солнышко будешь читать? И про крокодила.

– А ты помнишь: «Горе, горе, крокодил солнце в небе проглотил…»

– Наступила темнота, не ходи за ворота, кто… кто… – забыл.

– «Кто на улицу попал, заблудился и пропал, плачет серый воробей, выйди, солнышко, скорей», – напомнила я. И дальше, дальше… Пока ехали домой вспомнили «Краденое солнце» и «Муху-цокотуху».

Вечером приехала подруга, пошли купаться на Волгу – Ванечка, я с мужем, подруга и наша собака Юлька. Ванюша бегал по мелководью, поднимая тысячи брызг, за которыми азартно охотилась Юлька, пытаясь схватить ртом сверкающие капли воды. Волны плескались о песчаный берег, переливаясь серебристым блеском, Юлька гонялась за ними, стараясь удержать, а Ваня за ней и за волнами, Юлька лает, Ваня хохочет…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.